

НОВАЯ ПОВЕСТЬ В. ВЕРЕСАЕВА [1]

Из новостей, которыми успели нас подарить за текущий год толстые журналы, особенно выдающийся интерес представляет повесть В. Вересаева "На повороте" [2], закончившаяся печатанием в последней книжке "Мира Божьего".

Собственно в художественном отношении повесть эта не свободна от некоторых недочетов: она не отличается столь художественной законченностью и цельностью, которой отмечены прежние беллетристические произведения В. Вересаева. Законы симметрии и художественной перспективы в ней неоднократно нарушены, отдельные части ее разработаны далеко не одинаково и не равномерно. Автор временами утомляет внимание читателя описанием слишком неинтересных и неважных для развития повести эпизодов и сцен. (Таковы, например, сцена игры в винт, сцена купания в пруду, сцена отыскивания пропавшей лошади). В повести много действующих лиц, очерченных беглыми штрихами, появляющихся лишь затем, чтобы высказать в нескольких фразах свое *profession de foi** и затем быстро исчезнуть с горизонта читателя. Будучи замечательно глубоким психологом, г. Вересаев не воспользовался всеми средствами, которые дает в его распоряжение его своеобразный талант, и даже психический облик своих главных героев не везде обрисовал достаточно рельефно.

* -- *Исповедание веры (фр.) - кредо, изложение убеждений.*

И тем не менее, новую повесть г. Вересаева нельзя не признать за талантливо и ярко написанную страницу из истории современной русской интеллигенции - страницу, рассказывающую о культурном переломе, который в настоящее время переживает известная часть этой интеллигенции.

В качестве "историографа" современной русской интеллигенции г. Вересаев выступал уже дважды раньше, изображая в повестях "Без дороги" [3] и "Поветрие" [4] эпоху девяностых годов. Именно эти две повести положили начало его громадной литературной известности.

Г. Вересаев - в высшей степени серьезный и вдумчивый "историограф" судеб современной интеллигенции. Он - прямая противоположность г. Боборыкину [5], руководящемуся в своих описаниях текущей жизни примером старинных летописцев, то есть отмечающему внешние формы, в которые облекается ход исторического развития, не идущему дальше констатирования самого факта культурных течений, дальше простого изложения предпосылок вновь слагающихся мирозерцаний, дальше перечня новых фигур,двигающихся на исторической авансцене. Г. Вересаев, напротив, подходит к историческим явлениям с философской точки зрения, старается заглянуть в их трагическую глубину, так или иначе, выяснить степень их ценности. В новой повести он изображает момент "поворота" - отказа от строго реалистического мирозерцания, от истины, которой поклонялись в середине девяностых годов, изображает среду интеллигентов, остановившихся на распутье, среду, создавшую те культурные течения, которые нашли себе убежденных проповедников как раз в лице некоторых сотрудников "Мира Божьего".

Но если устами г. Бердяева, изложившего в стройной системе "новое" мирозерцание (см. его статью "Борьба за идеализм" [6]), эти проповедники старались уверить читающую публику, что "новое" мирозерцание является ценным приобретением прогрессирующей жизни, что "идеалистические" элементы этого мирозерцания выражают собой протест против мертвящего "лавочного" филистерства, против культурной буржуазности, заразивших все современное общество, старались уверить, что "борьба за идеализм" ведется наиболее здоровыми членами общественного организма, то, познакомившись с носителями нового мирозерцания, фигурирующими в повести г. Вересаева, читатель вынесет совершенно иное представление о новом "культурном течении".

Вот один из носителей нового мирозерцания, центральный герой повести - Токарев.

Токарев, сын бедного почтальона, с ранних лет принужден был пробивать себе дорогу в жизни собственным трудом: собственным трудом воспитывал себя и свою сестру Таню, прошел гимназический курс, побывал в Петербургском университете, в середине девяностых годов всей душой увлекался широко альтруистическими порывами. В начале повести - он уже сломленный жизненной бурей, уже усталый человек. Хотя по-прежнему он мечтает о всечеловеческом счастье, по-прежнему остается убежденным противником всего "филистерского", но безусловная вера в идеалы его юности им уже потеряна, и мало-помалу эгоистические чувства закрадываются в его душу, мало-помалу его "горячее" сердце охлаждается. "Я вижу, - говорит он в минуту откровенности, - что во мне исчезает что-то, исчезает страшно нужное, без чего нельзя жить. Гаснет непосредственное чувство, и его не заменишь ничем. Я начинаю все равнодушнее относиться к природе, люди все больше отгораживаются от меня толстой непроходимой стеной, хочется жить для одного себя"... Он начинает тяготиться временами тем,